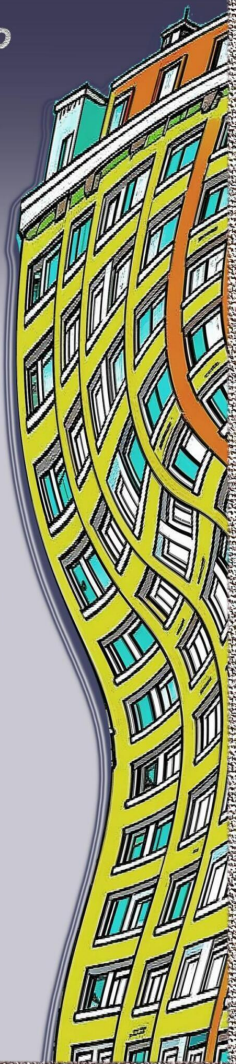

Виталий Левченко

ПЕТЬКА
И
ВОЛКОВ

Виталий Левченко

Петька и Волков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69553681

SelfPub; 2023

Аннотация

Схлопотать в школе двойку – событие неприятное, но не смертельное. Однако Петька Кузиков мог бы с этим поспорить, когда очередной «неуд» по русскому языку привел его к таким последствиям, которые не привидятся и в страшном сне.

Виталий Левченко

Петька и Волков

Петька Кузиков снова получил двойку: на этот раз по русскому языку. Терпение родителей лопнуло. Мама сильно ругалась. А папа взял ремень и выпорол Петьку.

– Не имеешь права! Я личность! – визжал Петька после каждого удара.

– Вот я из тебя личность выблю! Человеком станешь! – гремел папин голос.

Петька страшно обиделся и решил отомстить. Ужинать он отказался. Но это являлось лишь половиной дела. А ночью, когда родители уснули, Петька прокрался на кухню, достал из холодильника папино пиво и вылил в раковину. Три бутылки. Затем открыл окно и стал швырять на клумбу мамы котлеты. Котлет было много – целая сковородка, но Петька не промазал ни разу, и все они прямым попаданием попали в цветочные кусты. Там зашуршало, звучно мяукнуло и послышалось чавканье.

«Это Министр» – подумал Кузиков. Министром звали бездомного коричневого кота, он поселился во дворе прошлым летом. Жильцы дружно взялись подкармливать беднягу. Вскоре котяра потолстел, сделался важным и слонялся между подъездами с самодовольной мордой.

– Жри, жри! – прошептал Петька. – Пускай хоть тебе се-

годня повезет. А мне психику искалечили. Это на всю жизнь.

«Брошусь с крыши! – решил он. – Запишу прощальный ролик – и вниз! Только не забыть сказать, что на самом деле это училка виновата, дура! Сложносочине-е-нное да сложноподчине-е-нное! Велика разница! Вот пусть попляшет. Ей будет... такое, такое будет! Только я это не увижу. Да-а... Стрёмно выходит».

В открытое окно дунул ветер, и на подоконник упал молодой березовый лист. Петьку осенило.

«Убегу! В лес, в тайгу! Прямо сейчас! Утром проснутся – а меня нет. Пускай попрыгают! – подумал он. – Неделю выдержу запросто. Можно питаться ягодами и грибами. Лук со стрелами сделаю. Сниму на камеру. Они здесь с ума сойдут – а я и появлюсь. В ноги упадут, кроссовки целовать будут. Смонтирую на компьютере фильм о выживании в дикой природе. Выложу в сеть. Да мне десять миллионов подписок гарантировано. Да я стану самым топовым блогером! Наверное, и в Москву на ток-шоу пригласят...».

От такой грандиозной идеи у Петьки перехватило дух. Он высунулся в окно. Лес чернел рядом – высокий, страшный, особенно с краю, у длиннющей кучи валежника, которая начиналась сразу за двором: там сосны и ели росли совсем густо. А еще в том месте любили собираться мужики с водкой. Не бомжи, а довольно приличные граждане. Все родители строго-настрого запрещали детям приближаться к валежнику. Время от времени туда нырял участковый Крутько, вы-

зываемый обитающими на лавочках во дворе старушками. У старушек была четко выработанная стратегия: они звонили в местное отделение полиции по очереди.

– Ивановна! Опять пьют! Четыре хари с бутылками пошли. Звони Крутьке, пушай заарестует их! – охала сморщенная баба Зина.

– Тебе очередь Крутьку звать-то, Николавна, забыла? – махала рукой полненькая Ивановна, искоса поглядывая на подружек. Те дружно кивали: мол, твоя правда.

Побежденная баба Зина бурчала, но послушно выуживала из глубокого кармана вязаной кофты кнопочный телефон, прищурившись, тыкала пальцем в цифры, а потом громко говорила «Аллё!» и скороговоркой жаловалась участковому.

Очень быстро у валежника появлялся низенького роста худощавый Крутько. Пьющих он не трогал. У него с ними тоже была четко выработанная стратегия: за каждую поимку с поличным они платили ему мзду.

Позже Крутько, потирая карман, выходил из-за валежника, принимал мученический вид и шагал в сторону лавочек.

– Спасибо, гражданочки бабушки, за сигнал. Звоните, звоните чаще. Общественный порядок – мой святой долг. Такая уж у нас опасная работа, – говорил он, козырял на прощанье и возвращался к служебной машине у въезда во двор.

Гражданочки бабушки благоговейно глядели ему вслед.

Все во дворе знали о сговоре Крутько с местными выпивохами. Только старушки свято верили в него.

– Зря милицейских ругают. Вот и наш Крутька: мелкий, да храбрый. Пирожков ему напечь, что ли, – совещались бабульки между собой.

Петьке тоже было известно про делишки Крутько. Однажды он даже хотел тайком снять на телефон, как подвыпившие мужики откупаются от участкового мятыми бумажками. Но побоялся, потому что видел в кино, какие длинные лапы у органов правопорядка. И от детективного расследования пришлось отказаться.

– Не пойду через валежник, – решил Петька. – Лучше вон там, сквозь березки, проберусь. Если бы днем – другое дело, рванул бы по валежнику. Но кто же днем в лес убегает! Только глупые девчонки. Никакого драматизма. С другой стороны, если мне уже сейчас не того, как же я в самом лесу-то буду? Да еще целую неделю! В тайге пострашнее, чем с краю.

Эта дилемма грозила испортить задуманное. Но Петька быстро придумал выход.

«Пройду возле березок, но потом всем скажу, что ломанул через валежник. И сам так думать буду. Проще простого! Кругом все так поступают: наврут выше крыши, чего и близко не существует, а дураки верят. Или наоборот: сделают что-то явное, а назавтра утверждают, что не делали. Как с нуля. А я чем хуже!».

Настроение у Петки улучшилось. Он даже засомневался: нужно ли убегать в дебри? Вместо этого можно было запрыгнуть в электричку, поехать к бабушке и отсидеться у нее

несколько дней. Но тогда фильм не получится. И чипсов с колдой не достать в деревне, и вай-фай не ловит. Да и бабушка ни за что не согласится прятать его. Тут же побежит на почту звонить родителям. И потом – как ехать-то? Электричка ночью не ходит. Значит, все-таки лес.

Решение утвердилось бесповоротно, и Петька начал действовать. Он на цыпочках прошел в коридор, тихонько надел курточку, сунул ноги в кроссовки и взялся за щеколду. Входную дверь следовало открыть и потом закрыть так, чтобы она не зашумела. Получилось у Петьки это очень ловко. Язычок замка щелкнул едва слышно. Кузиков положил ключ в карман брюк и решил, что если блогером не станет, то пойдет работать в ассасины.

Пользоваться грохочущим лифтом он, естественно, не стал и спустился по лестнице. Выйдя из подъезда, Петька пожегился, застегнул пуговицы на куртке и накинул капюшон. Следовало одеться теплее и даже взять шапку. Хоть до лета и оставалась пара недель, было зябко.

«Семь ночей дрожать от холода!» – с ужасом подумалось ему. Это обстоятельство тоже грозило испортить дело. Но Петька вовремя спохватился.

– Вот я лох! – прошептал Кузиков. – А костер на что! Все сюрвавлишки... сюр... сюрвильщики... тьфу ты!.. выживальщики пользуются огнем. Там веток сухих куча! Я не то что костерок – я Африку устрою. Главное – лес не запалить, иначе такой эпикфейл выйдет!

Кузиков нащупал в кармане зажигалку. Она была необходима для петард. Их Петька частенько взрывал после уроков. А теперь от зажигалки зависел успех всего предприятия.

– Я им не лузер! Я докажу: со мной нельзя так! – торжественно прошептал он и шарахнулся в сторону от промелькнувшей у скамейки тени. В кустах мяукнуло.

– Что б тебя разорвало, котяра толстомордая! – Петька погрозил кустам кулаком. Ему вдруг пришла мысль взять с собой в лес Министра. Кто сказал, что охранниками могут быть только собаки? Кузиков вспомнил в одном фантастическом сериале боевого кота. Вот заснет он возле костра, а тут медведь пожалует. Министр его и прогонит.

– Кис-кис-кис! Министр, иди ко мне! – елейным голосом произнес Петька. Но тот заподозрил неладное и подходить не хотел.

– Котя, пойдем со мной! В лесу мышки вкусные бегают! – продолжал соблазнять Кузиков. Однако Министр явно предпочитал котлеты и колбасу любым мышам. Он вскарабкался на скамейку, вальяжно выгнул широкую спину, неспеша слез на землю и поплелся восвояси.

– Ну и черт с тобой, скотина неблагодарная! – плюнул Петька.

Кузиков надвинул капюшон на глаза, сунул руки в карманы и медленно пошел по тротуару вдоль дома к березкам, за которыми начинался лес. Светила полная луна, но Петька знал, что оборотней не бывает. Уж в чем в чем, а в этом он

был твердо уверен.

Возле соседнего подъезда белел маленький грузовичок, какие бывают у ремонтных служб. Кузикову показалось, будто внутри кабины кто-то следит за ним. Он скосил глаза, но разглядеть что-либо за темным стеклом не мог.

«А вдруг маньяк? – подумал Петька. – Да нет, какой маньяк станет торчать перед домом, пусть даже ночью. Они по углам прячутся. К тому же никто не знал, что я выйду. Я и сам час назад не мог это предвидеть». Такие мысли успокоили его.

Когда двор остался позади, а высокие сосны зачернели прямо перед носом, Петька остановился. Следовало сделать первую видеозапись для предстоящего фильма.

– Будет эпично! – мечтательно произнес он. – Хм... а что говорить на камеру? А, понял. Нужно сказать... сказать нужно...

Сколько Петька ни ломал голову, необходимые слова никак не хотели придумываться.

– Скажу: здравствуйте, меня зовут Петя. Ага! Ты еще соску с манной кашей в рот воткни! – разозлился он на себя. – Начало должно быть крутым, по-взрослому, чтоб сразу все залипли.

Кузиков прислонился к березке и поднял голову. Откуда-то успели набежать облака, они подбирались к луне.

– Начать следует так, – пробормотал Петька. – Это будет страшное и опасное приключение в дикой местности! Я вам

покажу такое! Волосы зашевелиятся!

«Тоже не айс! Дешевка выходит. А я делаю настоящее руководство по выживанию. Ладно, успею, времени валом. Лучше поберечь аккумулятор. И фонарик включать не стану. Поставлю мобильник в режим экономии. И так неделю без зарядки вряд ли протянет. На съемку хватило бы» – здраво рассудил Кузиков.

Петька сунул телефон в куртку и осмотрелся. Удивительно: вблизи лес выглядел не так пугающе, как из окна. И даже теплый ветерок из мрака дунул. Это ободрило. Он заподозрил, что путешественники нарочно преувеличивают опасности, дабы собрать побольше лайков и подписок.

– Подумаешь! – усмехнулся Кузиков. – Может, и две недели продержусь. Еще круче выйдет. Хотя нет, – вздохнул он. – Родителей надо проучить – это факт. Но все-таки жалко их. За две недели они меня похоронят заочно.

Петька миновал березки и двинулся в лес. Низенькая трава цеплялась за кроссовки. Он останавливался и вытягивал из шнурков длинные шершавые стебли. Темноты как будто поубавилось. Уже ясно различались колючие лапы елей и тонкие стволы молодого сосняка. На траве появились крохотные синие цветочки. Впереди они сливались в узкую полосу, и Кузиков направился туда. Приятный ветерок продолжал веять из лесной глубины. Петька прибавил шагу, стараясь не сходить с цветочной дорожки, огибающей высокие деревья и ведущей навстречу теплу.

– Вот оно как на самом деле! – он снял капюшон и растянул куртку. – Наверное, в лесах всегда так. Снаружи кажется страшно, а зайдешь – все изи. Делов-то – лежи возле костра да ягоды трескай!

Кузиков остановился и помрачнел.

– Если там так легко, про что фильм снимать? Цветочки с ягодками да костерок показывать? Душняк! Зрители должны каждую минуту переживать за меня. А чего переживать, раз никаких трудностей! Может, хоть медведя или волка увижу? Зайду-ка в самые дремучие места.

Он зашагал дальше.

– И почему в жизни многое шиворот-навыворот? – продолжал размышлять вслух Петька. – Трудное на деле оказывается простым, а простое фиг сделаешь. Вот взять Вована из седьмого «Б». Хвастал, что в контейнер с мусором кинет армейскую дымовую шашку и его не спялят. А на заднем дворе камеры, из окон учительской видно. Фиг вообще подберешься незамеченным к этой мусорке. А Вован сделал. Ну вот как?! Откуда он мог знать, что камеры в тот день не работали? И почему никто его не запалил? А дыму навалило! И домой всех отпустили. Молодец Вован! А я в прошлую среду просто хотел последнюю петарду поджечь. И газон был пустой, и по тротуару никто не шел. Из какой пещеры этого старпера вынесло! Целый квартал бежал за мной...ой!.. ой!.. Мама! А-а-а!

Петька кубарем полетел в овраг. За мыслями вслух он не

заметил, как низенький ползунок с синими цветочками превратился в густые змеевидные растения, которые предательски закрыли обрывистый склон.

Падающего Кузикова перевернуло, стукнуло о землю и снова перевернуло. Напоследок он хряснулся лбом обо что-то довольно твердое и рухнул в траву. В глазах вспыхнуло, да так ярко, что ночь обернулась днем. Петька лежал на спине, видя сосны, уходящие зелеными верхушками к голубому небу. В голове крутилась единственная мысль: «Я умер!».

Однако дальше ничего страшного не происходило, и Кузиков осторожно поднялся. Ему здорово повезло бухнуться в густую траву. И само падение никакого вреда не причинило. Только голова побаливала. Петька потер лоб и осмотрелся. Вокруг стоял тот же лес. Тихо щебетали птицы. Сквозь макушки высоких елей пробивалось солнце. Было тепло.

– Мне ясно! – сказал Кузиков. – На самом деле я пролежал без сознания всю ночь. А сейчас сколько?

Петька сунул руку в куртку, нащупал телефон и понял: фильму конец. Он вытащил мобильник. Экран глубоко треснул, а на задней крышке зияла дырка.

Кузиков застонал: родители ни за что не купят новый! Особенно после всего случившегося за последние сутки.

– Двойка, пиво, котлеты. А главное – этот дебильный ночной поход, – подытожил Петька. – Они с милицией меня искать уже должны. Сто процентов Крутько подключили. Он же участковый. Да-а... Такого фейла у меня еще не было.

Если бы я верно у доски вчера ответил, ничего бы не случилось. Ну признаю! Не выучил. Мой косяк. Отец, конечно, тоже хорош. Но какого черта я в лес побежал! Как пацан семилетний!

Кузиков запихал телефон обратно в карман, вытер ладони о брюки и поплелся к склону, с которого свалился. Оглядел подъем. Вскарabкаться труда не составляло: там торчала куча мелких корней и большая коряга. Видимо, о нее он и приложился лбом.

Петька аккуратно полез вверх и через пару минут стоял в зарослях змеевидной травы. Дорожка из синих цветов была рядом. Кузиков пошел по ней, ломая голову, какое объяснение придумать для родителей. Вариантов набиралось ой как не много. Он предчувствовал ужасную взбучку. Хотя в душе оставалась надежда, что папа и мама на радостях простят его.

– Скажу: я поступил плохо. Попрошу прощения, – бормотал Петька. – Может, и пронесет. Пообещаю исправить двойки, начну хорошо учиться. И самому стрёмно с такими оценками. Не дебил ведь.

Он остановился. Ему показалось подозрительным, что лес все не кончается, хотя просвет с березками давно должен был появиться. Наоборот: впереди стало гуще, а цветочный путь заканчивался, упершись в корявую сухую сосну.

– Спокойно. Я пошел не по той дорожке, – сказал Кузиков. – Нужно выбрать правильную.

Он быстро вернулся к оврагу и огляделся. Однако низень-

кого ползунка с синими цветочками в других местах не обнаружилось.

– Буду рассуждать логически, – тихо произнес Петька, чувствуя легкий холодок под рубашкой. – Я шел сюда по этой мелкой синей травке. А что встречалось на пути? Камни? Поваленный ствол? Или еще что приметное?

Но как он ни старался вспомнить хоть какие-то зацепки, ничего не выходило.

«Лошара! Следовало не дурацким Вованом восторгаться, а вокруг смотреть! – с досадой подумал Кузиков. – А если по сторонам света сориентироваться?».

Петька задрал голову, отыскивая солнце. Оно висело за соснами над оврагом, по ощущениям было далеко за полдень, и выходило, что там – запад.

– А где находится лес, когда я из окошка смотрю? Тоже на западе. Значит, нужно идти на восток! – определил Петька. Как раз на восток и вела единственная синяя дорожка.

Кузиков снова побрел по ней. Нарисовалась знакомая сухая сосна.

– Да черт с ним! – твердо решил он. – Куда-нибудь да выйду. Может, ночью я тоже долго шел, а показалось наоборот.

Ему вспомнился популярный блогер, который в прямом эфире учил, что солнце всходит на юге, а Земля – плоская. Петька абсолютно точно знал правду и начал спорить в комментариях. Подписчики блогера тут же накинулись на него. Они убеждали: это лишь его, Кузикова, личное мнение; он,

конечно, имеет право на свою точку зрения по такому важному вопросу, но не нужно навязывать ее другим. Кузиков стал навязывать. Кончилось тем, что его забанили.

«А может, тот придурок прав?» – с тревогой думал Петька. Он шагал уже с полчаса. Проклятые сосны окружали все теснее, просветы в небе становились меньше, и по земле стелились сплошные тени.

«Ну хорошо. Допустим, допустим этот бред, – рассуждал он. – Но в моем случае неважно, где всходит солнце. Хоть на северо-западе. Я же ориентируюсь относительно его расположения. Если я раньше направлялся к нему, то теперь двигаюсь от солнца. Логично? Еще как!».

Петька воспрял духом, но тут же помрачнел.

– Погодите! Как я мог раньше идти к солнцу, если я поперся в лес ночью! А солнце всходит на востоке. Если я шел на запад, то никак не мог идти к солнцу... Ой...

Кузиков запутался окончательно. В отчаянии он повернул на юг и вскоре убедился, что решение было верным. Расстояние между деревьями увеличилось, и стали попадаться небольшие полянки с яркой травой и кустарниками. Кузиков ободрился. Он осмотрел кусты в поисках ягод, но ничего не увидел.

– Вот я балда! – спохватился Петька. – Какие же ягоды в мае! Я не в Африке. Поискать грибы, что ли. Есть хочется.

Но их тоже не находилось. Лишь за маленьким пригорком в глубинке торчал один грибок, однако выглядел он

очень подозрительно и неаппетитно. Кузиков не отважился его трогать.

«Не буду терять время. Вдруг до ночи не выберусь!» – подумалось ему.

Следовало продолжать двигаться в южном направлении, и Петька повернулся так, чтобы солнце оказалось по правую руку. Он миновал пригорок, прошел через очередную полянку, поросшую красивыми желтыми цветами, а дальше снова начались сосны и ели.

Примерно через час лес сильно поредел, а низкие травы превратились в высокие заросли. Сначала они доходили Петьке до пояса, затем до плеч, а потом он скрылся в них с головой.

– Куда меня занесло! – ворчал уставший Кузиков. – Того и гляди в болото ухну. Настоящие джунгли.

Петька раздвигал широкие листья, протискивался между упругими стеблями, упорно пробираясь вперед. Питть хотелось невероятно.

– Не мог я зайти от дома так далеко, – удивлялся он. – С этим лесом творится что-то странное. Ну ничего. Выберусь. И первым делом выпью ведро воды.

Заросли пошли такие густые, что Петьке приходилось ложиться на них грудью, проламываясь будто сквозь стену. И стена эта с каждым шагом становилась крепче. В конце концов наступил момент, когда у Кузикова не осталось сил.

– А если назад повернуть? – в отчаянии пробормотал он.

Но, оглянувшись, Петька понял: о возвращении можно забыть. Заросли, еще минуту назад разворошенные его телом, стояли как нетронутые. Это было слишком, и Кузиков взбежился.

– Ах, вы, гаденыши! – он вцепился в толстое глянцевоое растение и вырвал его с корнем. – Я вам покажу, сорняки воноющие! – Следом полетел еще один стебель. Петька посмотрел вперед и сжал кулаки.

– Ну держись, зелепуха проклятая!

Он согнул колени, наклонился и зловеще улыбнулся.

– Я в школе запертую дверь выбил на спор. А с тобой и подавно справлюсь! Раз! Два! Три-и!

Кузиков резко выпрямил ноги и пружиной метнулся в неподатливую стену. Раздался треск, Петька кубарем вылетел на поляну и рухнул в траву. Отдышался и повернулся на спину. Он ликовал: произошла не просто борьба с зарослями – состоялась настоящая победа человека над дикой природой.

– Опаньки! Secundo! Аз вам толковал: опять фартанет! – раздался неподалеку визгливый голос. Петька вскочил и оглянулся. То, что он увидел, ему очень не понравилось.

Посередине обширной поляны, за которой снова начинался лес, громоздились, несмотря на май, кучи с капустой, огурцами и морковкой. Овощные пирамиды.

Морковная пирамида была самой высокой. Возле нее, скрючив ноги по-турецки, сидели трое. Первый – маленько-

го роста, в черной майке и шортах, щуплый, с дергающимся серым лицом и выдвинутыми передними зубами. Он косил на левый глаз. Второй – длинный и пузатый, в коротком плаще и узорчатых штанах. На его щеке белел шрам, а правый глаз съехал к носу. Сбоку раскинулась смуглая пухлая деваха с толстыми губами и косичками-дредрами. Ее зрачки смотрели в разные стороны. На широкой юбке блестели зеленые полосы.

Троица грызла морковь.

Щуплый вскочил, бросил морковку. Его нос зашевелился, верхние зубы вылезли из-под губы до самых десен.

– Эй, *adulescens*, шкет, гребн сюда! Отрок, подойди! – торжественно позвал он Петьку.

Кузиков попятился и уперся спиной в зеленую стену зарослей, успевших плотно сомкнуться.

Длинный и деваха тоже поднялись.

«Рвану краем поляны, – решил Петька. – За капустную кучу. А дальше – в лес! Шиш вы меня догоните». Толстуху и длинного он не опасался, а вот щуплый, их главарь, казался быстрее своих дружков.

Кузиков сделал обманный шаг вперед – и кинулся вправо, намереваясь по дуге обогнуть поляну и нырнуть за спасительные сосны. Он резво помчался к капустной куче. К его удивлению, троица осталась на месте. Лес был совсем близко, когда сзади послышался легкий топот. Петьку толкнули, и он покатился по траве. Затем его схватили за шиворот.

– Я не понял, ты хотел убежать? Puer sordida! Братва, кубыть он нас не уважает! – запричитал щуплый. Над поляной пронесся дробный стук, будто кто-то бешено забарабанил ладонями по пустому пню.

Кузиков взглянул на щуплого. Рожу главаря покрывала редкая серая шерсть, словно он вытерся о полинялого кота.

– Что я вам сделал! У меня ничего нет! – в отчаянии выкрикнул Петька.

– Steh auf! Вставай! Быстро! Шкандыбай, падла! Ну пожалуйста! – Щуплый рывком поднял Кузикова и пихнул его в сторону морковной кучи.

Жирная деваха двинулась им навстречу дикими шажками, больше похожими на прыжки. Она крутила башкой, пытаясь поймать косыми глазами в поле зрения Петьку. Длинный выпятил и без того толстое пузо, поставил на него локти со свешенными вперед кистями рук и вперился в Кузикова здоровым зрачком.

– Perfectus! Ладный экземпляр! Зуб даю! – сипло прогудел он.

– У меня денег нет, только телефон, – злорадно буркнул Кузиков, уставившись на огрызок морковки в траве.

– Телефон – телефо-ончик! Ой, зело люблю-ю телефончики, – отвратительно пропела деваха булькающим голосом. – Давай quickly! Токмо без фокусов!

Петька вытащил разбитый мобильник. Глаза толстухи округлились, подбородок задрожал.

– Да ты издеваешься! Schurke! Закис, Тавсан, видите? Момче меня обидел! Кручина-то какая! Perfide! А-а! – она задрала дредами, выставила руки со скрюченными пальцами, скакнула к Кузикову, выхватила телефон и швырнула за огурцовую кучу.

Щуплый, носивший имя Закис, поднял ладонь.

– Satis! Зая, остынь!

Он повернулся к Петьке. Лицо его задергалось, и косой глаз уехал к виску еще сильнее.

– Ну, дрыслявый, ты попал! Понял, да? Хана тебе! Schluss! Погубим мы душу твою, мальчик! – завыл он.

Кузиков провел языком по пересохшим губам. Хотя эта сумасшедшая троица была безусловно опасной, страх почему-то исчез.

– Я не специально к вам вышел. Я из леса хотел выбраться. По солнцу ориентировался. Только заблудился. Сначала на восток пошел, потом на юг – и вот, – стараясь говорить спокойно, объяснил он.

Главарь цокнул языком и мелко захихикал. Вслед за ним ухнул смешком длинный Тавсан и фыркнула Зая.

– На юг! На ost! По солнцу! Ой, держите меня! – давилась от смеха толстуха. – Comoedia! Он так серьезно это глаголет!

Закис кончил хихикать, сплюнул под ноги Кузикову и хищно уставился на него.

– Listen сюда, шкет! Позабавил ты нас. Ладно, различу тебе малость. Тута хоть куда вали, хоть на все шесть сторон,

в натуре на запад прешь. Почему? А лес такой, однонаправленный. Пространственная каверна. А на западной поляне – мы. Усек? Verstehen?

Петька попробовал понять, но не смог. Главарь повернулся к своим. Тавсан подтянул живот. Зая силилась собрать взгляд в одну точку. Закис сделал знак – и его подельники схватили Кузикова. Тавсан достал откуда-то веревку из морковной ботвы, и Зая мигом связала Петьке руки за спиной. Кузиков не ожидал от них такой прыти. Он попытался вырваться. Тогда его толкнули на землю и связали ноги.

– Сволочи! Отпустите меня! Я вам покажу! – закричал Петька. Но шуты перестали обращать на него внимание и отошли в сторону.

– Ну? Куда его? – услышал Кузиков голос Тавсана.

– Как куда! На овощебазу, естественно! Переработка в гумус, – ответил Закис.

– Протестую! – твердо возразила Зая. – На овощебазе контейнеры удобрениями заняты под завязку. А у меня отчетность. И так план перевыполняем. На этот раз в одну темпоральную сетку двоих поймали. А отпуск, между прочим, в этой кварте не дали.

«О чем это они?» – поразился Петька, чувствуя, как возвращается страх. Кузиков вывернул шею, наблюдая за троицей. На миг ему показалось, что он видит в воздухе нечто серое и бесформенное.

– А может, по неучтенке? Оформление еще не провели, –

предложил Тавсан.

Зая оживилась.

– Правильно! Должны же мы что-то и себе оставить. Развlechься хочется.

Закис пожал плечами.

– Если коллектив так решил – я не против. Ваши предложения?

Тавсан и Зая одновременно произнесли:

– Морковный хрясь!

Главарь рассмеялся.

– Ну вы как дети малые! А кто потом прибираться будет?

Зая быстро ответила:

– Уборку беру на себя.

Закис махнул рукой.

– Хорошо, устроим морковный хрясь.

Они повернулись к Петьке.

«Какой еще хрясь? – думал Кузиков. – Звучит не очень. Но что может быть плохого от морковки? Жрать до рвоты заставят?».

Тавсан оттащил Петьку к морковной куче. Кузиков видел, как Закис и Зая скрылись за огурцовой пирамидой. Через минуту они выкатили оттуда широкий стенд на маленьких колесах: судя по их усилиям, очень тяжелый. Докатив стенд до моркови, главарь с подельницей вернулись к огурцам и вынесли странную конструкцию, с длинной узкой металлической трубой поперек квадратной стойки. Эту штуку они

начали устанавливать напротив стенда, метрах в десяти.

У Петьки появилось нехорошее предчувствие.

– Эй! Что вы делаете? Что такое морковный хрясь? – с тревогой спросил он.

Закис оторвался от конструкции, подскочил к Кузикову и больно дернул его за ухо.

– *Silentium*, отрок! Хайло завали! Ибо не сведом ты, но мы сие исправим, и *victima* принесена будет морковному хрясю! *Sic!*

Тавсан задумчиво поскреб клешней живот, потер шрам на щеке.

– Проверить бы надобно, – сказал он Закису и кивнул в сторону трубы. – Не пользовались *seit langem*, вдруг пружина ослабла. Конфуз с волынкой выйдет.

– Не дрейфь, у нас все на мази, – ответил Закис. – Паси шкета. Аз пробу свершу.

Главарь вернулся к трубе. Петька сейчас разглядел, что заканчивалась на тыльной стороне она чем-то похожим на ружейный затвор.

Закис повозился с затвором, раздался металлический щелчок, и в трубе открылась широкая продольная щель.

– Зая, давай! *Examen!* – взвизгнул он.

– *Unum minutum!* – отозвалась Зая. – Позабавимся чуто-ок! Ой как будет ве-есело! – жутким фальцетом затянула толстуха. Она запрыгала к куче, выбрала большую морковь и кинула Закису. Главарь поймал, мигом отгрыз длинную

ботву, ловко сунул морковь в щель трубы, закрыл затвор и навелся на стэнд.

Его подельники сели на траву рядом с Петькой.

– Узри, выюноша сей хрясь морковный! – глухо произнес Тавсан.

Зая пихнула Кузикова жирной ляжкой и хихикнула.

Закис поднял руку.

– Уахид! Этнин! Талята! Пли-и-и! – заверещал он.

Звонко щелкнула металлическая труба, и жутко свистнул оранжевый снаряд. Хрясь! Кузикову в лицо ударило морковное крошево. На краю стэнда образовалась огромная желтая клякса.

– Ось це по-нашому! Швидко та красиво! Чудовий хрясь! – зашлась в восторге Зая.

Петька в ужасе закрыл глаза.

«А может, мне это снится? Или я еще лежу без сознания после оврага? А вдруг я не в лес поперся, а все-таки прыгнул с крыши и попал в ад?» – лихорадочно мелькало у него в голове.

Тавсан и Зая поднялись, схватили Кузикова за подмышки и потащили к стэнду. Петька извивался, но морковная ботва на руках и ногах держала крепко, а пальцы палачей больно впивались в плечи.

– Отпустите, гады! Мой отец из вас отбивные сделает. Он вас на куски порвет! – выкрикивал Петька. Но его молча продолжали волочить по траве.

В стенде были крепления – маленькие кольца. Тавсан освободил Петькины руки и привязал их к креплениям. То же самое он проделал с его ногами. Кузиков оказался распятым.

Зая отошла на пару шагов, придирчиво осмотрела Петьку и захлопала в ладоши.

– Тот испытание пройдет, чью плоть морковь не разорвет! – произнесла она ледяным тоном и расхохоталась.

– С Витрувием не поспоришь, – довольно прогудел Тавсан. Он протяжно высморкался, и они с Заем направилась к трубе, захватив из кучи несколько больших морковин.

Абсурд всего этого был так чудовищен, что Кузиков снова стал сомневаться в реальности происходящего. Мелькнула надежда на розыгрыш со скрытыми камерами. Но события последних часов упрямо свидетельствовали: ни о каких шоу с тайной съемкой речи и быть не может. А между тем возле трубы громко совещались. До Петьки отчетливо доносились голоса.

– Итак, каким образом мы его разморковим? – спросил Закис.

– Предлагаю в глаз, – сказала Зая. – Получится эффектный хрясь, с хлюпом и чваком.

Тавсан замахал руками.

– Череп испортим. Лучше в шею. Голова сразу отлетит.

Зая фыркнула.

– Тебе бы только черепа собирать. У тебя и так во всем

зеленом континууме самая большая коллекция.

Закис поднял ладонь.

– Мое предложение: сделать морковный хрясь в живот. Во-первых, растянем удовольствие, а во-вторых, что тут скрывать, туда попасть проще. Морковь в этом цикле синтезировалась корявая и хорошей точности не дает. Я целил контрольным выстрелом в середину мишени, а ударило в край. Конечно, я подкорректирую вылет, но это не отменяет моего предложения.

– Я не против, – пробасил Тавсан. – И череп целым останется.

Зая улыбнулась и затрясла дредами в знак согласия.

– Поддерживаю. Так даже интересней.

Петьку бросило в жар, а потом заколотило ознобом. Он попытался вырваться, но его усилия походили на потуги комара в толстой паутине. В мыслях мелькнула отцовская порка ремнем за двойку. По сравнению с происходящим домашнее наказание вспоминалось детскими шлепками.

«Вот и финиш! Все родители пугают детей, говорят: если не будут хорошо учиться, то помрут бомжами под забором или на стройку отправятся. Но никто не сказал, что из-за двойки ты можешь оказаться с разорванным нутром, а твои кишки разлетятся по поляне» – обреченно думал Петька.

Вытаращив глаза, он наблюдал, как Закис сует в трубу длинную морковь и щелкает затвором. Зая встала сбоку. С другой стороны подошел Тавсан, он раздул пузо и заколотил

по нему ладонями. Над поляной пронеслась мерная дробь.

– Уроды! Вас поймают! Меня с полицией ищут! У Круть-ко пистолет. Он вас перестреляет, психи проклятые! – крикнул Кузиков, дернувшись в последней попытке. Конец трубы повернулся вправо, затем влево и устоялся ему в живот.

Зая подняла руку для отмашки. Тавсан перестал барабанишь. Закис потянулся к затвору.

– А-а-а! – заорал Петька и зажмурился.

Оглушительно треснуло, защелкало и зашипело. Дико взвизгнула Зая. Жутко заухал Тавсан. Пронзительно взвыл Закис. Их вопли слились в единый поток, он ударил Кузикову в голову, зазвенел внутри живота, а потом его перекрыло грозное рычание, и все стихло.

«Вот как умирают! – понял Петька. – Наверное, я лечу в загробный мир. Но почему не было больно? И почему так темно вокруг?».

– Парень, не бойся. Закончилось, – услышал вдруг Кузиков спокойный голос.

От неожиданности Петька открыл глаза. Он был на той же поляне, привязанный к стенду. По траве стелился легкий дымок, в воздухе пахло электричеством, а безумная троица исчезла.

Рядом стоял мужчина, высокий, худой, одетый в джинсовый комбинезон, какие носят технические работники. На грудном кармане серебром блестела надпись – ОПЭА. За его спиной висел квадратный рюкзак, из которого шел тол-

стый провод, заканчивающийся в руке незнакомца похожим на вилку с двумя зубцами щупом. Не считая пышной седой шевелюры, гривой зачесанной назад, мужчина выглядел настолько обыденно, что Кузиков не удержался и всхлипнул от счастья, увидев в адском лесу нормального человека.

– Ну, ну, чего ты! Все позади. Сейчас я тебя освобожу, – улыбнулся его спаситель и развязал Петьку.

– Вы кто? Что случилось? Где эти сумасшедшие? – спросил Кузиков, потирая запястья.

Вместо ответа мужчина махнул рукой, зовя за собой, и размашисто зашагал через поляну. Незнакомец внушал доверие, и Петька был готов идти с ним куда угодно. Слабость от пережитых потрясений давала себя знать, но он быстро потрусил вслед, по пути замечая на траве дымящиеся ошметки черной майки Закиса и обуглившиеся куски плаща Тавсана. Возле перевернутой морковной пушки Петька разглядел разбросанные, словно обгоревшие куски веревки, косячки Заи.

Когда поляна осталась позади, а сосны и ели скрыли их, незнакомец остановился, повернулся к Петьке и протянул руку.

– Ну, давай знакомиться. Меня зовут Волков, Яромир Радеевич. Электрик.

Кузиков удивился и пожал крепкую ладонь.

– Я Петя. Я заблудился. А в лесу оказался случайно, сначала шел...

– Да-да! – перебил его Волков. – Долго шел, то в одном направлении, то в другом, окончательно заплутал и выбрался наконец к этим, – он кивнул в сторону поляны.

– Ну да, а откуда вы знаете? – ошеломленно произнес Петька.

– Здесь по-другому и не бывает. Теперь не бывает, – вздохнул Яромир Радеевич. – Давай-ка потихоньку пойдём, а по пути поговорим. Не хочется тут задерживаться.

Петька опасливо оглянулся.

– А разве вы их не уничтожили?

Электрик сунул щуп в карман рюкзака и вздохнул.

– Какой там уничтожить! Дематериализовал на короткое время. А конденсаторы в ноль. Весь заряд потратил. Раньше такого не было. Сильнее становятся Серые.

Они пошли дальше.

– Ты, Петр, наверное, уже понял: лес этот не совсем обыкновенный? – спросил Волков.

– Еще бы! Я ночью в овраг свалился – кажется, тогда все и началось. А уж когда этих днем встретил, подумал: ну точно в ад попал, – Петька старался не сбиваться и говорить рассудительно. Ему было приятно, что Волков называет его Петром, как взрослого.

– Яромир Радеевич, а кто они такие, на поляне которые? – продолжал Кузиков. – На зайцев-мутантов похожи, из фильма ужасов.

Волков серьезно посмотрел на него.

– Значит, для тебя, Петр, они зайцами решили обернуться? Считай: дешево отделался! А я такое вижу – сказать тошно, да и слов не подберешь.

Кузиков на всякий случай пошел поближе к Волкову.

– А как они на самом деле выглядят? Мне показалось... я заметил... – Петька запнулся, – такое большое и серое. Может, инопланетяне?

– Кто их знает, – ответил электрик. – А что серые – это верно. Появились чудовища после того, как лес меняться начал. – Яромир Радеевич сбавил шаг. – Теперь, Петр, можно не спешить. Они от поляны далеко не отходят. Давай сделаем так: расскажешь, почему в лес отправился. Затем я положение дел объясню.

Они присели на поваленную сухую сосну, и Кузиков поведал свою коротенькую историю. Сначала мелькнуло искушение сказать только про ремень за двойку, но он пересилил себя и решил, что отныне в его жизни не будет никакого вранья.

Кузиков честно признался о невыученном уроке и отцовском наказании, о проделках с пивом и котлетами, о дурацкой идее убежать, разбитом телефоне и о том, как пытали его монстры.

– А вы спасли меня. Спасибо вам, Яромир Радеевич! – Петька закончил говорить и с благодарностью посмотрел на Волкова.

Электрик вздохнул.

– Собственно, нечто подобное я и предполагал. Ты ведь не первый, кто к ним в лапы попал. И не последний, к сожалению. Повезло тебе, что я в этот раз поляну смог отыскать. Так не всегда бывает. Она вроде не постоянно на одном месте находится. Блуждающая ловушка. Но жертв заманивает исправно.

Петька наморщил лоб, силясь переварить услышанное. Волков взглянул на него.

– Ум за разум заходит, да? Вот и у меня не складывалось, когда только заступил на должность и проходил инструктаж. Осознать не получалось. Да и как к такому привыкнешь! Раньше это был обычный лес, тайга как тайга: примечай, куда идти, и можешь дуть на все четыре стороны, не заблудишься, коли в голове не совсем пусто. А затем, рассказывают, пошли странности. Люди стали пропадать. Места путаться начали. С пространством что-то случилось. Примеришься с опушки на тропинку, пару шагов сделаешь – а за спиной уже сосны высоченные да густые. Или видишь просвет, сухую почву, ломишь туда – а там болото успело появиться. Встретил, скажем, ручей. Идешь по течению, идешь себе. Чуть отвернулся, глядь – а ты против воды двигаешься...

– Вот-вот! У меня так и было! С тропинкой! – не удержался Петька.

Волков кивнул.

– Время тоже шалить принялось. Солнце неподвижно висит, как приклеенное.

Кузиков испуганно взглянул на небо. С тех пор как он свалился в овраг, слепящее пятно не сдвинулось нисколько. Оно по-прежнему пекло из-за верхушек сосен.

– Далее появились эти трое, со своей поляной, – рассказывал Яромир Радеевич. – К тому сроку в нашем ведомстве крепко за голову схватились. Стали расширять штат сотрудников, готовить их к противодействию. Беда ведь только начиналась локально, не во всем лесу сразу. Здесь одно место, там другое. А затем процесс как-то быстро пошел и огромную территорию захватил. Тогда я и вступил в организацию. Помаленьку опыта набирался у коллег, друзей и товарищей.

Волков пригладил волосы, о чем-то задумался, а потом продолжил:

– Вот так и научился действовать самостоятельно. Рыщем по одиночке в поисках поляны. Одному она почему-то чаще показывается, нежели с напарником идти. Но все равно не каждую смену находишь. Поляна телепортируется по лесу. А учитывая масштабы тайги... Но и организация у нас растет.

Петька заворуженно слушал.

– Яромир Радеевич, а можно спросить? Про организацию? У вас на комбинеzone написано ОПЭА. Клянусь, я никому не скажу!

Волков смотрел на Кузикова и улыбался.

– Нет никакой тайны, – он провел пальцем по надписи на кармане. – Но ответ зависит от восприятия. Для одних мы – Обслуживающий Персонал Энергетического Администри-

рования. Сокращенно ОПЭА. А для тех, кто понимает, мы – Организация Противодействия Энтропии и Аннигиляции. Тоже, как видишь, ОПЭА. Я ведь и в самом деле электрик. Здесь неподалеку подстанция. Я закреплен за ней. Осматриваю, подкручиваю, регулирую – в общем, ничего особенного. Только это – работа. А то, что мы родной лес пытаемся спасти, – это, можно сказать, призвание. Ну, если не так громко и патетично – то состояние души и разума. Больно смотреть, как аномалия поглотила все вокруг. Если ее не остановить, то она и по другим местам расползется. Вернее, факт – распространяется! – Волков лукаво прищурился. – Ответил я на твои вопросы, Петр?

– Ну... Странно как-то... – почесал затылок Петька. – Почему про аномалию остальные не знают? Это же сенсация! Сюда нужно отправить ученых с оборудованием. Они поляну заснимут на камеры. Будут доказательства. Еще спецназ. Этих Серых из пулеметов расстреляют!

Волков рассмеялся, словно весело рыкнул.

– Эх, Петр! Наивный парень. Не все так прямолинейно и просто. Вот тебе аналогия. Представь: ты всю жизнь пил молоко исключительно из пакетов, магазинное. Для тебя оно самое что ни на есть нормальное и естественное. И вот ты попадаешь в деревню и впервые пробуешь молоко домашнее, натуральное, недавнего удоя, из-под рыжей упитанной Зорьки. И тебе вдруг открывается истина...

Петька дернулся что-то сказать, но Волков предупреди-

тельно поднял руку, останавливая его.

– Это был идеальный пример с положительным исходом. А в реальной жизни, увы, зачастую происходит иначе. Ты пробуешь домашнее молоко и говоришь: фу, какая гадость, магазинное намного вкуснее и лучше! Уловил? А директора комбинатов, которые производят так называемое молоко для магазинов – зачем им, чтобы ты любил и выбирал натуральное, хорошее? Им выгодно запудрить тебе мозги, извратить вкус. Они и внушают, что это их молоко самое настоящее и полезное. Химическая белесая жижа в пакете выдается за норму. И люди вокруг верят и соглашаются. А если и не верят, то все равно молча принимают, то есть опять-таки соглашаются.

Петька снова не выдержал. Волков на этот раз его не останавливал.

– Точно про меня! – воскликнул Кузиков. – Я у бабушки в деревне домашнее молоко не пью... Не пил раньше, – поправился он, задумавшись. Потом с недоумением взглянул на электрика. – Что-то я не соображу никак: вот лес, а причем молоко?

Волков терпеливо молчал. Ободряюще смотрел на Кузикова.

Вдруг Петька вскочил. Глаза его расширились.

– Яромир Радеевич!.. – воскликнул он.

Волков тоже встал. Хлопнул Петьку по плечу, притянул к себе и обнял.

– Молодец! А некоторым и полжизни не хватает, чтобы прозреть. Считай, Петр: из своего внутреннего сумрачного леса ты выбрался. А из этой чащобы я тебя выведу. Пошли.

Петька шагал вслед за Волковым. В голове крутился вихор мыслей. Они напоззали друг на друга, переплетались, путались, но это было неважно. Самая главная мысль прочно закрепилась у него в мозгах, и прогнать ее оттуда теперь не могли никакие силы.

– Скажите, а почему на вас аномалия не действует? – спросил он, хотя об ответе догадывался.

Электрик остановился и повернулся к нему.

– Так я же инструктаж изучил! – хитро улыбнулся он, однако, видя разочарование в Петькиных глазах, добавил:

– Ты, Петр, не торопись. Ясность придет сама. Дай ей срок. Не все можно объяснить словами. То, что я тебе сейчас говорил, на самом деле сильно упрощено, а тут душой чувствовать надобно. А пока этого не произошло, отдельные ответы мало чем помогут.

– Кажется, я немножко понимаю, – серьезно произнес Петька. – Я вот думаю: с упырями на поляне сражаться бесполезно, если они заново возвращаются. Нужно попавших к ним в ловушку спасать и самим становиться крепче. Тогда лесу придет конец. Ну, не лесу, конечно, а тому, что в нем поселилось.

Волков посмотрел на Петьку. Глядел он долго, и Кузиков даже засомневался: может, он что-то не то ляпнул?

– Знаешь, Петр, я уверен: из тебя вырастет очень хороший человек, – заговорил наконец Яромир Радеевич. – Возможно, даже тот, кто вернет лесу его природную сущность.

Кузиков покраснел. Но Волков уже шагнул вперед по узенькой тропинке, задевая рюкзаком высокие папоротники.

Дальше они шли молча и через какое-то время оказались на узкой просеке. Здесь была окруженная сетчатым забором старенькая подстанция, от которой в обе стороны тянулись по темным деревянным столбам провисшие провода. В подстанции громко трещал трансформатор.

– Будем менять, – объяснил Волков. – Отслужил свое. И столбы новые установим. Посиди тут. Я мигом.

Электрик показал на широкий пенек возле сетки. Петька рухнул на него и закрыл глаза. Усталость сразу навалилась. В его руки ткнулось что-то прохладное.

Кузиков взглянул. Волков протягивал большую бутылку минералки.

– С собой не взял, тут оставил, пока поляну искал.

Петька облизал губы и прошептал:

– Спасибо!

Онпил, пока опустевшая бутылка звонко не щелкнула. Кузиков вздохнул, возвращаясь к жизни. А Волков сунул ему аппетитный бутерброд с увесистым ломтем колбасы.

– Давай-ка подзакуси. Колбаса домашняя, сами с женой делали.

Бутерброд исчез мгновенно. Оживший Петька вдруг ощу-

тил, что больше не в силах сдерживаться, и заплакал.

– Яромир Радеевич!.. если бы не вы... те монстры...

– Ну вот! Придумал! Не плачь, – Волков легонько сжал ему руку. – Эта смена хорошей выдалась. – Он отвернулся, но было видно: Кузиков растрогал его.

Электрик занес рюкзак внутрь трансформаторной будки, окинул хозяйским взглядом изоляторы на креплениях, закрыл подстанцию и подошел к Петьке.

– Пора тебя домой доставить. Какой адрес?

Кузиков вытер лицо и поднялся.

– Новостройка в конце Зеленой улицы. Знаете?

– Конечно! – кивнул Волков. – Я все дома в городе знаю.

Она особняком стоит.

Петька подтянул пояс.

– Через лес пойдем? Обратно? – с готовностью спросил он.

– Да я же не пешком сюда добираюсь! – рассмеялся Яромир Радеевич. – Ты за подстанцию зайди.

Петька обогнул сетчатый забор и увидел машину: маленький симпатичный грузовичок, на белом боку которого серебрилась уже знакомая надпись ОПЭА. Вокруг нее разместились электрические молнии, образовав нечто вроде герба.

– Забирайся в кабину! – услышал он Волкова. Петька устроился на пассажирском кресле, большом и мягком. Хотелось уместиться в нем калачиком и сладко сопеть. Через пару минут показался Яромир Радеевич. Он сел за руль, и

машина плавно покати́лась по едва заметной колее.

– Папа с мамой, наверное, ищут меня. Да нет, не наверное. Они там умирают от переживаний, – вздохнул Петька.

Волков сосредоточенно вел грузовичок вдоль просеки и ничего не ответил. Кузиков прильнул к окну. Ему начало казаться, что это не они движутся по лесу, а сосны и ели ползут им навстречу, причудливо изгибаются, превращаясь в ощерившиеся башнями-пиками дворцы. Затем все смешалось в зеленую кашу, и Петька закрыл глаза.

– Ну вот, Петр, тут начиналось – здесь и закончится! – услышал он и очнулся.

Было темно. Они стояли во дворе родного дома Кузикова, у соседнего подъезда.

Петька разом пришел в себя.

– Мы до самой ночи ехали? – поразился он. Поискал глазами свою квартиру. – Странно, света нет. Неужели мама и папа спят? Да они места не должны себе находить. Может, меня искать отправились? В лес? – Кузиков испуганно взглянул на Волкова.

Тот сделал загадочное лицо.

– Терпение, Петр. Вопросы уже не имеют смысла. А пока держи вот. Кажется, твой.

Кузиков не поверил. Яромир Радеевич протягивал ему телефон, тот самый, что разбился при падении, а потом исчез за огурцовой кучей, когда Зая швырнула его туда. Но сейчас экран и корпус выглядели абсолютно целехонькими. Петька

взял мобильник и убедился: это не иллюзия.

– Да разве ж такое возможно? – оторопело произнес он.

– Так должно быть, и поэтому возможно, – сказал Волков.

Потом замер, к чему-то прислушиваясь, выключил свет в кабине и прошептал:

– А теперь сиди тихо-тихо, что бы ты ни увидел. Ясно?

– Ага, – пискнул Петька, ощущая, как колотится сердце.

– Наблюдай, – Яромир Радеевич показал на его подъезд.

Довольно долго ничего не происходило, и Кузиков хотел спросить, на что же смотреть. Но вдруг из-за кустов подъезда вышел парень. Лицо скрывал глубокий капюшон. Ночная фигура медленно двигалась по тротуару вдоль дома. Петька взгляделся в незнакомца и почувствовал головокружение.

– Фантастика! Да это же!..

Волков предупредительно положил руку ему на плечо.

– Тс-с! Он не должен нас заметить.

Петька видел, как парень в капюшоне опасно покосился в их сторону, ускорил шаг, миновал двор и скрылся за деревьями.

– Будем спасать? – растерянно спросил Кузиков.

Яромир Радеевич покачал головой.

– Нет, Петр. Ему туда, в лес. Это его выбор. А тебе домой, к родителям, к той жизни, которая начнется завтра, когда минует ночь.

– Ясно, – кивнул Кузиков. – Да нет, ничего не ясно на самом деле. Или все-таки ясно? – Он умоляюще глядел на

Волкова. – Что мне делать завтра? Я совсем запутался.

Электрик включил в кабине свет.

– И путаться не в чем. Это как жажда. Ты просто берешь бутылку минералки и пьешь, не задаваясь вопросом, нужно ли в ней что-то разъяснить.

Петька задумался.

– Тебе пора, – мягко сказал Волков.

Кузиков вздохнул.

– Спасибо вам за все! А мы еще увидимся?

– Как знать, – развел руками Яромир Радеевич. – Может, и доведется. В конце концов, одним служением занимаемся.

– Ну вы – это понятно. А я? Я же ничего не делаю, – удивился Петька.

– Эх, Петр, уже делаешь! – электрик хлопнул ладонью по рулю, завел мотор и весело подмигнул.

Кузиков вышел из машины.

– Кстати, хотел предупредить напоследок, – наклонился к нему Волков. – С пивом и котлетами я тебе помочь не сумею. Ты уж завтра сам как-то решиай этот вопрос перед родителями.

Петька улыбнулся.

– Не беда! Первым признаюсь и ремень принесу. Накажут – так тому и быть. А может, ничего и не будет. Мама с папой все-таки хорошие. Они меня любят.

Попрощавшись, он пошел по тротуару к дому. Оглянулся. Грузовичок выезжал со двора. Мигнули задние фары. Петька

помахал рукой и зашел в подъезд.